

дочечества» воспринимались в крае, как и везде, с большим подъемом. Выступавшие на митингах, собраниях призывали друг друга к повышению бдительности.

Однако, не в пример Москве, на Дальнем Востоке пока обходились без громких процессов по делам антипартийных блоков, оппозиций. Арестованный несколько месяцев назад начальник Дальлеса П. Г. Гербек категорически отрицал спору причастность к троцкистской организации. Ни от кого из арестованных не удалось получить признаний о наличии в крае организационных связей с «московским центром» или о функционировании враждебных Советской власти политических группировок.

Тут было над чем поломать голову и Т. Д. Дерибасу, и его заместителю С. И. Западному, утвердившим в то время не один десяток постановлений об арестах «за причастность к троцкизму».

Можно только догадываться о том, что думали в Москве руководители НКВД СССР по поводу затихия на Дальнем Востоке.

Но вот 23 апреля 1937 года из Москвы прибыла бригада сотрудников центрального аппарата НКВД во главе с Мироновым, начальником одного из оперативных управлений. Ее задачей было разобраться в обстановке, оказать «практическую помощь» дальневосточным чекистам в разворачивании борьбы с троцкизмом. Член этой бригады А. А. Арнольдов так объяснял своему брату С. И. Западному конкретную задачу бригады: «В Москве имеются сведения, что Дерибас и ты не верите ретную задачу бригады: «В Москве имеются сведения, что Дерибас и ты не верите в дела (по организованному троцкизму. — С. И.), поэтому и бригада послана, чтобы вам показать, что у нас делается в крае и как свободно орудуют троцкисты...»

На встречах с оперработниками управления Арнольдов высокомерно назвал их «таежниками», не умеющими работать «новыми» методами. А суть их, как вскоре оказалось, сводилась к запугиванию арестованных, массовой фальсификации протоколов, «конвейерным» допросам и т. д., хотя «физических мер воздействия» на арестованных эта бригада еще не применяла.

Дерибас критически отнесся к приезду бригады, но, учитывая растущий в стране накал борьбы с разрозненными «врагами народа», понимал, что от ее практических дел и выводов зависит и его собственная судьба.

На срочно собранном совещании руководящего состава управления он с полной серьезностью заявил: «Сейчас за провалы работы не снимают, а сажают в тюрьму. Сяду я, сядете и вы». Было ли это предчувствием беды, трудно сказать. В первых числах июня 1937 года Дерибас был вызван в Москву якобы за новым назначением. В действительности же в составе бригады НКВД СССР он был направлен на Украину с проверкой. Вместо него в Хабаровск прибыл В. А. Балицкий, комиссар государственной безопасности I-го ранга, до этого — нарком внутренних дел Украины. А еще раньше в Москву был отозван Миронов. Принявший руководство бригадой Арнольдов перешел в полное подчинение Балицкого. Сам он вместе с членами бригады Хорошилкиным и Костюком сосредоточился на проверке армейского особого отдела.

В это же время из Москвы пришли материалы, «уличившие» председателя Дальневосточного крайисполкома Г. М. Крутова в троцкистской деятельности. Через день после приезда Балицкого Крутов был арестован. Постановление на его арест утвердил Западный. Следствие было поручено вести только что назначенному начальником СПО УГБ С. М. Сидорову, правда, санкцию на арест Крутова прокуратура выдала только через месяц. Результаты первых же допросов Крутова вызвали у Сидорова сомнения в правомерности самого ареста. Арнольдов, возмущенный такой позицией начальника СПО, решил применить свой метод допросов. Выдавая себя за представителя ЦК партии и лично Ежова, Арнольдов убеждал Крутова и других арестованных партийных и советских работников, что они, если даже и не являются в действительности врагами партии, «в интересах партии и Советского государства» должны сознаться в преступлениях, в которых их обвиняют, и обещал свою активную помощь во время судебного разбирательства. Такой провокационный ход Арнольдов порою удавался: некоторые начинали давать фантастические показания...

Нам неизвестны детали первого допроса Крутова, после которого он неожиданно начал давать следствию обширные показания о существовании якобы в крае «право-троцкистского заговора». Такая же трансформация произошла и с Гербеком после его встречи с Арнольдовым. Да и не только с ним. Восхищенный Балицкий за такую «результативность» назвал Арнольдова чародем.

Но вот что писал бывший командующий автобронеотанковыми войсками ОКДВА комдив С. И. Деревцов, оказавшийся тогда в сходной ситуации: «...Арнольдов заявил, что по заданию ЦК партии и членов Политбюро т. Ворошилова и т. Ежова я (Деревцов) должен помочь приехавшей из Москвы комиссии вскрыть троцкистов в ОКДВА, но не в качестве свидетеля, а как обвиняемый член троцкистской организации. При этом Арнольдов заявил, что подобного рода задания от ЦК партии получали комкор Калмыков против Сангурского, комдив Пашковский — против Крутова, комкор Лапин — против Тухачевского, Уборевича...»

Мало того, Арнольдов потребовал от Деревцова клятвы: все это, под страхом смерти, хранить в глубокой тайне.

Грозные тучи стали собираться и над головами чекистов-дальневосточников. По приказу НКВД СССР 3 июня 1937 года был арестован и этапирован в Москву М. Д. Витковский — начальник транспортного отдела УНКВД. За ним последовал ведущий сотрудник контрразведывательного отдела Д. Ф. Шилова, а десять дней спустя за решеткой оказался и А. К. Михеев — работник кадрового отдела управления. До этого они были исключены из ВКП(б) — «за потерю коммунистической

бдительности». Теперь их обвиняли в связях с «Дальневосточной контрреволюционной организацией правых и троцкистов», а Шилова — еще и в сотрудничестве с японскими разведками.

Надо сказать, что еще в конце 1936 года наиболее «бдительные» из числа сотрудников УНКВД по ДВК предприняли попытку выявить «справых и троцкистов» Дерибасу. Основательно проштудировав предъявленные материалы, тот оступил речные головы, сказав, что в документах он нашел только факты неразборчивости по отношению к сотрудникам в бытовых связях с недавно выявленными «троцкистами» и ном порядке, в том числе и с оказавшимися тогда в этом списке Д. Ф. Шиловым.

Неожиданно в первых числах июля Балицкий был отозван в Москву (вскоре он будет репрессирован), а Дерибас вновь вернулся в Хабаровск.

На основании показаний Гербека, Крутова и других арестованных, добытых свыше тридцати человек, в основном руководителей от Дерибаса согласия на арест еще злейственных органов, а также краевого аппарата НКВД.

Ознакомившись с протоколами допроса Крутова, которые вел Арнольдов, Дерибас заявил: «Вы хотите разгромить всю парторганизацию и оставить ДВК без работы. Это не Крутов дает показания. Это показания Арнольдова». И добавил: до тех пор, пока показания Крутова не будут подтверждены другими лицами, протоколы его допросов в Москву он посылать не станет, аресты лиц, названных Арнольдовым, производиться не будут.

Пожоже, что Арнольдов искренне верил в существование на Дальнем Востоке активной действующей троцкистской организации, а себя мнил ее первооткрывателем. А коль так, нужны были решительные действия.

Втайне от Дерибаса и его заместителя Западного он с нарочным отрывом на имя руководства НКВД СССР копии протоколов допросов Крутова, Гербека и письма, в котором указывал на «тяжелую обстановку» в Дальневосточном управлении НКВД и сопротивление Дерибаса и Западного. Арнольдов тогда не подумал, во что может вылиться эта «решительность» для него самого...

Между тем из Москвы опять поступило предложение о переводе в центральный аппарат НКВД Н. П. Шилова, и 15 июля 1937 года с женой и десятилетней дочерью он уехал из Хабаровска...

Судьба снова разбросала друзей. Только надолго ли?

По-разному реагировали чекисты на первые аресты в своей среде. Большинство недоумевало, появилось растерянность, тревога. Были и такие, кто, опасаясь разделить судьбу своих недавних сослуживцев, «разоблаченных» и изолированных от общества, лихорадочно сочинял свои «воспоминания», направляя их в отдел кадров или партком.

От таких «доброжелателей», например, стало известно, что дальний родственник Шилова в 1928 году якобы намеревался бежать за границу, а Нейман в гражданскую войну больше прокладывая не партизанскими делами, а как участник карательных экспедиций семеновцев. К счастью, в то тревожное время в центральном аппарате НКВД оставались еще трезвомыслящие работники.

А вот на Б. Д. Богданова в партком и отдел кадров УНКВД поступил более серьезный «компромат»: «Тов. Климов утверждал, что тов. Богданов является близким родственником фашиста Троцкого». Не стану называть имени автора этого «сигнала» — он сам был репрессирован в те годы. Но «сигнал» сработал: начальник отдела кадров С. И. Полозов официально запросил своего коллегу во Владивостоке проверить факты.

Возможно, Полозов понимал абсурдность злого навета, но в той обстановке не мог отмахнуться от него: политический сигнал на сотрудника системы НКВД, да еще с прямым выходом на Троцкого, он был обязан проверить...

25 июля 1937 года Николай Петрович Шидов прибыл в Москву, и в тот же день в Хабаровске по обвинению в шпионской деятельности в пользу Японии был арестован Иван Иванович Горохович — рядовой работник отдела, которым он руководил последние пять лет.

ЛЮШКОВ И КОМПАНИЯ

В последних числах июля 1937 года в Хабаровск прибыл новый начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю Г. С. Люшков. До этого он был начальником УНКВД в Азово-Черноморском крае. С собою Люшков привез группу сотрудников, которая, как и бригада Миронова за полгода перед этим, должна была «помочь» дальневосточным коллегам в борьбе с «право-троцкистскими заговорами».

Еще до приезда на Дальний Восток Люшков и его группа выработали свой «почерк» оперативной-следственной работы. Он заключался, в частности, в том, что Люшков и его будущие заместители в Хабаровске М. А. Каган и Г. М. Осинин направляли усилия подчиненных не на поиск действительных врагов Советского государства, а на раскручивание маховика репрессий.

Еще в Ростове Люшков, Каган и Осинин объединили вокруг себя службистов, спо-

собных фальсифицировать протоколы допросов, добиваться от арестованных неправдоподобных показаний, принуждать их к самооговорам и оговорам невинных людей. Поэтому у Люшкова не было проблем, кого из сотрудников Ростовского управления взять в Хабаровск. В свою бригаду он включил Н. И. Евтушенко, А. П. Малахова, А. М. Малкевича, М. П. Рысенко и других.

Еще в пути Люшков инструктировал их, как вести себя на новом месте: держаться слободно, о ростовских делах помалкивать. А перед самым Хабаровском всех предупредил: близких отношений с работниками Дальневосточного управления не устанавливать, так как все они будут арестованы.

«Должен, однако, сказать, что ростовский период деятельности Люшкова, Каганна, Осинина при моем, разумеется, участии, — год спустя будет рассказывать следователю Евтушенко, — беднее перед той предательской системой работы, которую мы под руководством Люшкова практиковали в Дальневосточном крае...»

С приездом Люшкова в Хабаровск были отстранены от работы руководители ключевых подразделений краевого аппарата УГБ НКВД. На их место были поставлены свои люди, из Ростова. На первом же совещании Люшков открыто заявил оперативному составу УГБ, что Дальний Восток является оплотом контрреволюции на советской земле.

На общем партийном собрании управления он сказал: «Нам надо найти такие формы, чтобы дать возможность каждому разоблачать врагов, в первую очередь внутри нашего аппарата!» И в подтверждение своих слов распорядился создать «особую бригаду» во главе с Рысенко, которая должна была вести следственные дела чекистов. В нее, в частности, вошли также Евтушенко, Малкевич. «Работали» они на пятом этаже нового здания УГБ. Вход туда разрешался по специальным пропускам. Люшков «реорганизовал» и прокурорский надзор: если до его приезда прокуроры присутствовали при допросах, принимали и рассматривали жалобы арестованных, проводили очные ставки, то теперь их в камеру попросту не допускали. Открытые разрешения «вожди народов» применить меры физического воздействия, люшковицы сразу же ввели в практику избивание, применение самозажимающихся наручников, причинявших жертвам тяжкие страдания, многочасовые «стойки» и «кошачьи допросы» в течение нескольких суток без перерыва. Все это преподносилось как вынужденная мера в борьбе с «троцкизмом», контрреволюцией и вообще с «врагами народа».

В августе появилась директива Люшкова всем органам безопасности края: «...Перед нами поставлена задача самым беспощадным образом разгромить банду антисоветских элементов, осевших в колхозах, совхозах, на транспорте, в строительстве, промышленности, советских учреждениях и ведущих в них подрывную, диверсионную, террористическую, повстанческую и шпионскую деятельность, защитит советский народ от их проносов и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ Советского государства».

Вероятно, в интересах полнейшего искоренения в крае «даже малозначительных и предполагаемых», но все же «врагов народа» Люшков дал указание репрессировать также и тех лиц, в отношении которых хотя и не было прямых улик, но создавалось мнение, что они тоже являются «вредителями». «Нередко изобличающие материалы поступали уже после ареста таких лиц», — признается позднее на следствии бывший начальник особого отдела строительного корпуса С. Е. Либерман.

В августе 1937 года управление захлестнула волна массовых арестов. Вместе с женой взяли заместителя Т. Д. Дерибаса А. С. Западного (брата Арнольдова), днем позже был арестован и второй его заместитель, С. А. Барминский, с женой. Не дождался ответа на свой запрос о Богданове Полозов, бывший делегат XI и XII съездов партии, Всесоюзной партийной конференции 1923 года, секретарь парткома УГБ, почетный чекист. Его бросили в тюрьму 10 августа.

Всех их обвиняли в том, что они якобы, являясь активными участниками «право-троцкистской организации» в Управлении НКВД края, используя свое служебное положение, покрывали право-троцкистские и белоохранительские кадры, в том числе и в самом управлении, готовили террористические акты против членов Политбюро ЦК ВКП(б), занимались вредительством, выдавали японским спецслужбам военные и государственные тайны, а после разгрома СССР намеревались создать на территории советского Дальнего Востока буржуазное государство под протекторатом Японии.

Вскоре дошла очередь и до самого Дерибаса. Как одного из руководителей «право-троцкистского заговора» в крае, его арестовали 12 августа вместе с тремя сотрудниками управления, рядовыми участниками этой «организации».

Для Богданова это был особенно тяжелый день: в числе арестованных оказался Леонид Капитонович Лихачев — начальник отделения заводотдела, руководителем которого он пока еще являлся. Это Лихачев вел оперативную игру с японской разведкой по делу «Весна». В чем мог провиниться чекист Лихачев? Вся его жизнь — как на ладони. В пятнадцать лет — боец Народно-революционной армии ДВР, в шестнадцать — участвовал в разгроме и подавлении вооруженных выступлений семейцев в Прибайкалье, в восемнадцать — секретарь уездного комитета комсомола в Николаевске-на-Амуре. Здесь в 1923 году он провел 1-й съезд комсомольцев Нижнего Амура. А потом была комсомольская работа на Сучанских конях в Приморье. С 1926 года — сотрудник Владивостокского окружного отдела ОГПУ. Там-то впервые и встретился с ним Богданов. Вместе гонялись за шайками хунхузов, а позднее работали в Маньчжурии.

Забегая вперед, скажем, что, несмотря на жестокость подручных Люшкова,

Лихачев виновным себя не признал. На очных ставках обвинения в свой адрес решительно отвергал. Никого из сослуживцев не причислял ни к право-троцкистской организации, ни к агентуре японской разведки.

Арнольдов мог быть довольным: тайно направленные им в Москву протоколы допросов были оценены по достоинству. Арестована большая группа партийно-советского актива края, сменен по существу. Арестована большая группа партийно-советского аппарата УГБ. Дела обещания назначить его начальником Управления НКВД по Иркутской области? В августе 1937 года он присутствовал при обыске квартиры своего брата Семена Израилевича Западного-Кессельмана, у которого жил со времени приезда в Хабаровск. А менее чем через неделю теперь уже к Арнольдову являлись почные гости организации из сотрудников центрального аппарата НКВД и управлений НКВД ряда областей...»

Несколько позднее А. А. Арнольдову-Кессельману, немало повинному в раскручивании маховика репрессий в Дальневосточном крае, будет добавлено еще обвинение в том, что он якобы в интересах сохранения право-троцкистских кадров умышленно «смазала» дело на бывшего начальника Дальлеса Г. Г. Гербека и, до конца не выявив его преступных связей, направил дело на рассмотрение военной коллегии.

Упорно и старательно три месяца Арнольдов копал яму для многих дальневосточников, в том числе и для чекистов. Десятки их стали жертвой неправедных обвинений, сфабрикованных московской бригадой. Но неожиданно для самого Арнольдова его жизнь пошла по тому же кругу: он оказался в яме, откуда выбраться ему не было суждено.

С отъездом Шилова в Москву беспокойство все больше овладевало Богдановым. Прибывший из Ростова Малкевич, назначенный в отдел его заместителем, держался подчеркнуто официально. Делами подразделения почти не интересовался. Трудно работать с таким заместителем. Но жизнь-то постоянно подталкивает к активным действиям, а заамурский провинциал — к решительным шагам. А тут еще целая серия арестов в своем доме... И кажется, они не последние. В своем заключительном слове на закрытом партсобрании УГБ Гришанин, представитель Далькрайкома, заявил: «...Задача органов госбезопасности — выкорчевать до конца и раздвинуть каждого троцкистско-бухаринского и иного шпиона и всех, кто вздумает продолжать предательскую работу...»

Да, оперативная игра «Маки-Мираж» в крае заканчивалась, свернуто дело «Весна». Но в отделе есть новые, и довольно интересные, материалы. Малкевича же они, похоже, не интересуют.

Аресты угнетающе действовали на чекистов, об оперативной работе не приходилось и говорить. Бодрячками чувствовали себя лишь ростовчане да кое-кто из бригады Арнольдова.

Одним из таких был Рысенко. Он расскажет позднее следствию, что после ареста Барминского, Западного с ним делился своей «программой» Осинин, заместитель Люшкова: «Надо культивировать такое настроение, что на ДВК кругом враги, а когда будет создано такое общественное мнение, тогда наарестуем людей, загрузим работой аппарат и создадим эффект разгрома право-троцкистского заговора».

Зловещей фигурой был и сам Рысенко. По приезде в Хабаровск Люшков рекомендовал его заместителем секретари парткома управления. Внешне он был обходительным, контактным, с организаторскими способностями и опытом партийной работы. Это притягивало к нему людей. А во время ведения следствия становился неузнаваемым, превращался в садиста.

Надо сказать, что люшковицы для ведения «серьезных» дел подбирали следователей и из местных работников, но зачастую с определенным уклоном: один был уличен в подделке каких-то личных документов, другой скрыл социальные происхождение, третий допускал нечистоплотность в расходовании государственных средств... Пришел черед и Богданова. Его арестовали 23 августа «за участие в право-троцкистской организации». Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации. Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации. Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации.

Пришел черед и Богданова. Его арестовали 23 августа «за участие в право-троцкистской организации». Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации. Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации. Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации.

Пришел черед и Богданова. Его арестовали 23 августа «за участие в право-троцкистской организации». Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации. Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации.

Пришел черед и Богданова. Его арестовали 23 августа «за участие в право-троцкистской организации». Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации. Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации.

Пришел черед и Богданова. Его арестовали 23 августа «за участие в право-троцкистской организации». Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации. Одновременно с ним была взята и его жена, Мария Ватроцкистской организации.

Окончание следует

ВЫСТРЕЛЫ В СПИНУ

АРЕСТЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

К концу 1937 года волна арестов несколько спала. К тому времени за решеткой оказалось более сорока чекистов.

А ведь никто из них в органы госбезопасности не был взят просто так, с улицы. Никто из них не прошел мимо комиссий райкомов партии и комсомола, многие проявили себя в годы гражданской войны. А разведчики практически все были проверены «на стойкость» в бескомпромиссных схватках с врагами Советского государства за пределами Родины. И никто из них в экстремальных условиях не дрогнул. И вот теперь они — «враги народа». Когда же они успели стать такими? И неужели действительно они — враги?

Одна волна спала, другая набирала силу. Вероятно, приняв как «руководство к практической деятельности» разъяснение сталинского Политбюро о правомерности применения к арестованным «врагам народа» физических мер воздействия, Каган лично давал указания сотрудникам следственных бригад управления (они по существу были при каждом оперативном отделе) об активном их использовании в следственной практике. Его приспешники Рысенко, Малкевич, Осинин, Евтушенко, Малахов и другие широко применяли эти жестокие «меры». Они корректировали протоколы допросов, искажали в них смысл показаний, нередко дописывали в протоколы факты, о которых арестованные не говорили.

Вот как это выглядело на практике. В сфальсифицированный протокол допроса уже «признавшегося» в преступлениях следователи самолично внесли имена почти шестидесяти человек. Многие из них арестованный слышал впервые, не говоря уже о «фактах» их якобы преступной деятельности.

В другом случае следователь выбил у арестованного показание о том, что якобы его знакомый «имел ряд непосредственных встреч с Симадой — японским консулом в Хабаровске». Упомянутый следователь далее «откорректировал» это показание, после чего оно читалось так: «он лично рассказывал, что является старым японским шпионом и что здесь, в Хабаровске, он имеет систематические встречи с японским консулом Симадой, от которого получил прямые директивы по созданию повстанческих организаций и диверсионно-террористических групп...»

Такой способ получения «изобличающих» показаний со временем повсеместно превратился в систему. Его особая опасность заключалась не только в его незаконности, но и в том, что содержание полученных таким способом показаний ни следственным, ни оперативным путем не проверялось, не документировалось, не конкретизировалось. Оно принималось как доказательство само по себе. А на основании таких зачастую голословных и клеветнических, а то и просто сфабрикованных следствием показаний проводились новые аресты. Собственно Лышков и его подручные практически не ставили перед следователями задачу объективно разобраться в каждом деле, а требовали, чтобы они обязательно добивались признания арестованных об их участии в «заговоре».

Но если бы кто-то из следователей, из честных коммунистов-чекистов запротестовал против такой системы создания явно провокационных дел, то рисковал бы попасть в заговорщики, т. е. сам мог быть проведен по показаниям других арестованных как «враг народа»... Позднее в этом признается тот же Либерман.

Особую жестокость следователи проявляли при допросах бывших сотрудников НКВД. В специально отведенные для этого дни применялось поголовное их избивание. Для оказания «помощи» следователям была даже создана группа во главе с лышковским выкорышшем Малаховым, которая ходила по кабинетам и истязала жертвы.

Если на первых порах от арестованных требовали показаний об их причастности к право-троцкистской организации, якобы существовавшей в системе УНКВД ДВК, то позднее Лышков дал команду искать среди них лиц, которые намеревались совершить акт террора против маршала Блюхера или готовили широкий террор.

Окончание. Начало: «Дальний Восток», 1991, № 2.

Каган, заменивший Западного, дал указание во всех следственных делах «находить» связи с японскими спецслужбами. «Это нужно для того, чтобы показать Москве, «спризнаний» арестованных в причастности к террору и преступных связях с японцами. От бывшего начальника Благовещенского областного управления Г. А. Клиновского добился «спризнания» даже в том, что он якобы продал японцам принадлежащие Советскому Союзу острова на Амуре, а бывшего командующего Восточным фронтом С. П. Серышева записали японским шпионом еще со времен гражданской войны.

Бывало так, что после жестоких избиений Богданов находился в таком состоянии, что не читая, подписывал протоколы допросов, заранее подготовленные следователями. В подобном же состоянии иногда он подписывал протоколы очных ставок, в которых и не участвовал. Собственно, их-то не очень и давали читать «Подписывай! Потом прочитаешь!» — требовали следователи. Позже их ему вообще не попросту не существовало. Надевался, что впереди — суд военного трибунала, на котором ему по закону дадут возможность защищаться, сказать правду.

Так, в частности, его обвиняли, что он якобы в 1923 году предупредил японское консульство в Хабаровске о подготовке ГПУ взрыва моста через реку Ялу, отчего посланная туда опергруппа захвачена японцами. Ну скажите на милость, зачем ему, жителю Владивостока, нужно было ехать в Хабаровск, где он, кстати, раньше ни разу не бывал, в то время как такие же консульства были во Владивостоке, Уссурийске. Да и зачем нужно было ГПУ взрывать мост на границе Китая с Кореей? С серьезным видом следователи заставляли Богданова подписать протокол, в котором фиксировалось, что он только в 1936 году как агент японской разведки:

- установил связь с японским консульством в Хабаровске;
- через связника установил контакт с разведотделом штаба Квантунской армии;
- сам создал линию связи с харбинской ЯВМ, а в декабре связался с ее начальником — генералом Андо.

Даже школьнику ясно, что такая работа под силу доброму десятку здоровых и грамотных мужиков, не говоря уже о том, что самостоятельное установление контактов с различными подразделениями по существу одной и той же японской спецслужбы не что иное, как детсадовский лепет, абсурд.

Лышков и его подручные «вскрыли врагов народа» в системе органов НКВД не только в Хабаровске. Меньше всего досталось аппарату УНКВД по Еврейской автономной области. Пока установлено, что в октябре 1937 года здесь были арестованы как участники право-троцкистской организации лишь его начальник А. Н. Лавтаков да начальник одного из отделов областного управления, бывший командир партизанского отряда отважный кореец Хан Чан Гер.

Другое дело партийный и хозяйственный актив области.

Невероятно жестоко вела себя направленная в Биробиджан с 1937 года следственная бригада. За короткое время был полностью обезглавлен советско-партийный и хозяйственный аппарат. Среди безвинно пострадавших оказалось немало колхозников, казаков-тружеников, бывших партизан, которых привлекали к ответственности как «участников повстанческих организаций».

Для развертывания такой же «оперативно-следственной» работы 9 декабря 1937 года в Николаевск-на-Амуре прибыла бригада из шести человек во главе с Лышковым. Он сразу же провел совещание, на котором открыто объявил всех оперативных и следственных работников областного управления и районного звена в притуплении бдительности и предупредил, что будет решительно расправляться с теми, кто не сумеет перестроиться в сжатые сроки и работать по-новому. «Такие люди, — пообещал он, — будут арестованы и судимы как пособники врага!»

А через несколько дней как «участники право-троцкистской организации» были арестованы А. Ф. Липовский — начальник областного УНКВД, а потом — оперативный работник Н. И. Монахов. За месяц до этого такая же участь постигла И. З. Гутерлидзе — заместителя Липовского и начальника отделения Яковлевского.

Но главный удар бригада Лышкова нанесла по партийным и советским кадрам Нижнеамурской области.

«...Необоснованные и массовые аресты, фальсификация следственных дел, преступные методы ведения следствия», — так позднее будет характеризовать «рабочую» обстановку в областном аппарате НКВД выдвигенец Лышкова начальник областного управления Фельдман. Это он сразу же после своего назначения предупредил подчиненных: любой работник, у которого возникнут сомнения в правдоподобности «вразумительных» показаний арестованных, сам может оказаться в одной камере с «врагами народа».

Грубейшие нарушения уголовно-процессуальных норм, допускавшиеся и Лышковым, и его ставленником Фельдманом в оперативно-следственной практике, они объясняли необходимостью более эффективной борьбы с «врагами народа» и для пользы дела. «...Если ты будешь допрашивать по УПК, то много от кулака показаний не получишь. Они против Советской власти боролись без УПК», — поучал Лышков.

На заявление одного из работников управления о том, что он не согласен «фальсифицировать» дела, Фельдман ответил обвинением в непонимании политических обстоятельств в стране, назвал его саботажником и пригрозил суровыми последствиями.

В начале 1938 года Лышков вновь появился в Николаевске-на-Амуре. Сотрудниками были аресты среди гражданского населения, военнослужащих и, конечно, сотрудни-

ников органов НКВД области. Начальник Кербинского районного отделения Емельян Карпович Нерод, член ВКП(б) с 1920 года, был арестован как «участник право-троцкистской областной группировки». Е. К. Нерод и в то сложное время, не поддавшись давлению «сверху» и «общественности», придерживался установленного законом порядка применения репрессивных мер к виновным. Правда, крайнее руководство УНКВД оценивало это как непонимание Неродом требований времени. Наиболее «бдительные» из жителей района такую позицию начальника райотдела НКВД более «бдительные» не иначе как преступную в деле разоблачения «врагов народа», о чем писали руководству УНКВД, в редакцию районной газеты. Лучшего повода для расправы с непослушным Люшковым и не искал.

«...Как участник право-троцкистской организации осуществлял вредительскую деятельность, направленную на развал оперативной работы райаппарата, оберегал кулацкий и белогвардейский элемент, ведущий антисоветскую работу в районе, сколачивал кадры для повстанческой работы, проводил новые вербовки в состав право-троцкистской организации», — так охарактеризована в обвинительном заключении «преступная» деятельность Е. К. Нерода. По таким делам приговоры выносились однозначные, и обжалованию они не подлежали.

В конце января 1938 года находившийся в Москве Люшков в разговоре по «прямому проводу» с Каганом дал указание активизировать допросы арестованных пограничников и сотрудников УГБ. Собрав у себя почти три десятка следователей, Каган потребовал от них к двум часам ночи любыми средствами «привести в сознание» всех арестованных, а позднее сам ходил по кабинетам и кулаками «помогал» следователям. В ту ночь на пятом этаже слышались стоны, крики, ругань. К установленному сроку «признались» все арестованные.

Но, как свидетельствуют документы, даже с помощью средневековых методов допроса с первого захода следователям Люшкова получить нужные показания от арестованных чекистов, как правило, не удавалось. Упомянутый выше Малышев был арестован 26 августа 1937 года. Но только спустя полгода он «заговорил». Можно себе представить, сколько ему пришлось пережить и чего стоили его показания. Потребовалось пять месяцев, чтобы выбить такие же показания и у начальника отделения УГБ Е. И. Казакова.

Несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на долю отважного сотрудника дальневосточной разведки Лихачева, он ушел из жизни, не постыдившись своей честью. Так же решительно держалась и Мария Васильевна — жена Б. Д. Богданова.

В феврале 1938 года большая группа арестованных чекистов края предстала перед выездной сессией военной коллегии Верховного Суда СССР. Все — как участники «право-троцкистской организации», будто бы существовавшей в системе органов НКВД Дальневосточного края. Для них это была последняя надежда: сказать там всю правду, а суд объективно разберется в их делах и вынесет справедливые решения. Но тогдашняя военная коллегия не вскрывала явных и скрытых фальсификаций, а называвшиеся под суд факты их избиения во время следствия выслушивала с притворным удивлением, высказывая при этом даже сомнения в реальности таких извращений и беззаконий. Нередко бывало и так: обвинительные заключения по уголовным делам, рассматривавшиеся на заседаниях коллегии, Каган, а позднее и Осинин, оба заместители Люшкова, утверждали не до заседания военной коллегии, а после него, а то и после исполнения смертного приговора.

Хотя всех арестованных чекистов обвиняли в принадлежности к одной антисоветской организации, каждого из них судили поодиночке. Заседания, в ходе которых решалась судьба человека, порою длилось всего 10—15 минут. Натворившие на таких делах члены военной коллегии под председательством то ли бригадир-оратора Кандыбина, то ли диввоенориста Никитченко выносили несправедливые приговоры независимо от того, признавал свою вину подсудимый или нет. По таким приговорам 4 февраля 1938 года было расстреляно 8 чекистов, 5 февраля — 10, 7-го — 12, 9-го — 6... Только за один февраль 1938 года на основании сфальсифицированных обвинений по приговорам военной коллегии было расстреляно 39 чекистов, в том числе 11 сотрудников разведотдела, пять военных контрразведчиков, четверо — из отдела кадров, среди них — С. И. Полозов, Б. Д. Богданов. В тот день, когда А. К. Михееву, бывшему кадровику управления, объявили смертный приговор, в кабинете следователя от жестоких побоев умер его сослуживец Иван Николаевич Дмитриев, который полгода категорически отрицал свою причастность к троцкизму и отказывался кого-либо оклеветать... В эти же дни были расстреляны жены пяти бывших руководящих работников УГБ.

Свидетели этих трагедий — стандартные справки, в четвертушку листа. Констатация факта — и никаких сведений о времени и месте гибели.

Неизвестно, куда канул Инжеватов, который вел следствие по делу Богданова и подготовил по нему обвинительное заключение. Уже давно нет в живых Рысенко, согласившегося с этим заключением, и Осинина, утвердившего обвинение. В деле нет и документов, которые бы подтвердили, что по окончании следствия, в соответствии со статьей 206 действовавшего тогда Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, Богданов был ознакомлен с материалами его дела. Скорее всего, это требование осталось невыполненным. Неизвестно, когда — не указана дата — было утверждено само обвинительное заключение. Из-за отсутствия в архивно-следственном деле материалов судебного разбирательства невозможно установить, как оно состоялось, вызывался ли на него Богданов, как этого требовал закон, чтобы он смог защитить себя. По

следственному делу Богданова есть только один «итоговый документ», подписанный все тем же зловещим Рысенко: «Приговор выездной сессии военной коллегии Верховного Суда СССР о высшей мере наказания Богданову Б. Д. исполнен 10 февраля 1937 года в 23.00».

Так был вычеркнут из жизни патриот и коммунист Борис Давидович Богданов. При исполнении смертных приговоров над невинно загубленными чекистами прибудто бы хотели удостовериться, что те, кто знал глубину их морального падения, словесными.

Расправившись с первой группой чекистов, Люшковы продолжали начатые в марте—июне аресты: в застенки было брошено еще более двадцати сотрудников надевала на ручки и жестоко избивала арестованных, подвергая их многодневным непрерывным допросам, открыто продолжалась фальсификация следственных дел. Порой это грубое беззаконие вызывало откровенное возмущение со стороны отдельных сотрудников УГБ. О недостатках в работе, произволе и беззаконии, чинившихся в органах НКВД края, они писали в рапортах, письмах, заявлениях. Однако зачастую их авторы изгонялись из органов госбезопасности, нередко репрессировались по ложным обвинениям в «измене Родине», потворствовании врагу, со всеми вытекающими последствиями. На одной из оперативных совещаний помощеразведотдела экономического отдела УГБ Алексей Васильевич Федоров, он же секретарь комитета ВЛКСМ управления, открыто упрекнул Кагана в попустительстве такому беззаконию. Каган грубо прервал Федорова, а на другой день Федоров был арестован как «террорист — участник право-троцкистской организации». Опытнейший в таких делах Рысенко в течение месяца «выбивал» из него «признательные показания» о том, что в системе УНКВД по ДВК якобы существует молодежная троцкистская организация. Он обещал прекратить истязания, если Федоров подтвердит в качестве ее участника имена молодых чекистов. Федоров выдержал издевательства. Позднее, что в те годы было редкостью, его освободят из-под стражи «из-за отсутствия состава преступления».

Следует отметить, что руководство УГБ и вся люшковская команда систематически и постоянно внушали рядовым, да и не только рядовым, оперработникам и следователям, что сотрудники управления не имеют права ставить под сомнение виновность арестованных (санкционировано на арест давали Люшков и его заместители). Они настойчиво требовали видеть в каждом из арестованных шпиона и «врага народа», которые так просто не сознаются в своих преступлениях.

Тех, у кого только появлялись такие сомнения, недвусмысленно предостерегали: «Не будьте адвокатами у врага, не становитесь на его защиту, в противном случае вы можете сесть на место арестованного». Других руководство приглашало к себе и вежливо говорило: «Ваша практическая работа вызывает сомнения», а это уже был открытый намек на возможные последствия.

Вероятно, за активное участие в погроме, учиненном в коллективе чекистов в декабре 1937 года, по представлению Люшкова, орденами были награждены верные ему Рысенко и Ефтушенко, а Хорошилкин получил внеочередное звание...

Более чем через два месяца после ареста Н. П. Шилова в Хабаровск на допрос деле появились первые протоколы допросов. После доставки в Хабаровск на допрос его вызвали только 3 ноября 1937 года. Он продолжался до 12 ноября и велся «конно-войерным» способом. Следователи Инжеватов, Малкевич чередовали его с побоями, в том числе и в кабинете Осинина. Обещали прекратить их, если признается в японском шпионаже и право-троцкистской деятельности. Для начала Шилова признался, ском шпионаже и право-троцкистской деятельности. Для начала Шилова признался, что происходит из дворян, его отец и сейчас директор Вильнюсского банка, а сам он — польский шпион. Может быть, следователи удивили в показаниях уже порядком измученный шпион. Может быть, следователи удивили в показаниях уже порядком измученный шпион. Может быть, следователи удивили в показаниях уже порядком измученный шпион.

И снова побои. Доведенный до ослабления рассудка, 12 ноября Шилова признался, что он японский шпион и член троцкистской организации. А через день заявил Инжеватову: все, что из него выбили на предыдущих допросах, — это ложь и клевета. В ответ — опять побои и «одиночка». А в январе — опять допросы в Малкевича, Рысенко, Инжеватова. Всякому предложению о подписании фальсифицированных протоколов предшествовали истязания. Эти трое мужчин с каким-то сатанинским наслаждением избивали поседшего добела, измученного и измученного Шилова.

После таких «обработок» на душе бывало так тяжело, что не раз возникала мысль самому распорядиться своей жизнью. Не только физические страдания толкали его на такой шаг: не хотел позорить себя подписанием надуманных протоколов и клеветать на честных людей.

4 февраля 1938 года Шилова дали очную ставку с его бывшими подчиненными по разведотделу П. И. Лапкиным, С. Л. Хомьяковым. С Лапкиным он общался не очень часто. А вот с Хомьяковым его связывала более чем десятилетняя совместная работа. Много им пришлось соли съесть еще во Владивостоке. Это он, Хомьяков, во время «большого предательства» на западной ветке КВЖД самоотверженно вывел из Маньчжурии попавших в беду советских патриотов, успев все же найти ответ на главный вопрос: «Кто и каким образом предал их?»... А два года спустя его отравили руководящим подразделением в Амурском областном управлении, поближе к сатанинской ЯВМ, с которой они уже добрых десять лет вели крупномасштабную

Довольно настроенные к СССР эмигранты в Маньчжурии говорили о Люшкове как о предателе, равного которому в СССР не было и нет...

В Харбине Люшков был недолго — его переправляли в Токио, где он был помещен в хорошо охраняемый особняк. Офицеры Генштаба приступили к допросам.

Неизвестно, какие документы унес Люшков в Маньчжурию и передал японским властям. Не вызывает никакого сомнения, что он был осведомлен о военно-экономическом потенциале советского Дальнего Востока, в том числе и в оборонном строительстве. Он наверняка знал взгляды, расчеты, планы военно-политического руководства страны на случай военного конфликта, и в первую очередь с Японией. Недаром же в эмигрантской прессе позднее указывалось, что Люшков — большое приобретение для Японии, ибо он оказал японскому командованию значительную помощь в выявлении действительной мощи войск Красной Армии, расположенных на советско-маньчжурской границе. И как бы в подтверждение сказанного журнал «Русско-советско-маньчжурской границе» в своем тридцать четвертом номере за 1938 год поместил фотографию Люшкова бежа в своем тридцать четвертом номере за 1938 год поместил фотографию Люшкова бежа с офицером Генерального штаба японской армии, которому он давал пояснение по карте Советского Союза, рассказывал о советских военных планах. Люшков был весьма сведущ и в вопросах пограничной службы на Дальнем Востоке.

Конечно, советскому руководству важно было узнать, какие все же показания дал японцам Люшков. Известно, что такую попытку сделал корреспондент югославской газеты «Политика» и французского агентства «Гавас» Брайко Вукелич, сподвижник Рихарда Зорге.

В целях пресечения деятельности предателя чекисты пытались нащупать его истинное местонахождение. Однако смелые планы так и остались на бумаге. Попросту их к тому времени уже некому было выполнять.

Но японские власти хорошо приняли Люшкова не только потому, что он выдал им секреты государственной важности. И не только за то, что он публично поддерживал политику милитаристских кругов Японии в Азии и в отношении Советского Союза. Они были признательны ему и за результаты его преступной деятельности в крае. Наряду с учиненным погромом советско-партийных и хозяйственных органов с ведома Люшкова была репрессирована значительная группа командно-политического состава всех родов войск, дислоцированных на советско-маньчжурской границе. Были до основания разгромлены и на значительное время прекратили свою деятельность армейские и территориальные разведотделы края. Сотни опытных пограничников и контрразведчиков оказались за тюремными решетками... К тому же для создания столь благоприятной для них обстановки японские спецслужбы не затратили ни одной иены, не потеряли ни одного человека. Вот каким огромным приобретением оказался Люшков для японцев.

Бегству Люшкова за рубежом сразу было придано чрезвычайно важное значение. Этот факт расценивался как возникновение движения против Сталина в высших кругах советского руководства. В крупнейших японских газетах «Асахи», «Токио Ничи-Ничи» и других появились интервью Люшкова, в которых он представлялся как участник антисталинской организации, существовавшей в СССР. И он бежал, якобы почувствовал реальную опасность со стороны советских властей.

Что бежал — не вызывает сомнения. Но точно ли сформулирована причина? Попытаемся разобраться. Во-первых, какой же Люшков «антисталинист», если сразу же по приезде в край он стал главным режиссером невиданной до этого вакханалии незаконных массовых арестов, грубейших извращений при ведении следствия, жестоких приговоров в отношении, как правило, мнимых противников сталинизма... Только на двух заседаниях зловещих «троек», состоявшихся в конце марта 1938 года, на которых председательствовал Люшков, вместе с прокурором Хитрово и секретарем крайкома Анисимовым он вынес смертный приговор нескольким сотням «антисталинистов». Последний такой приказ о расстреле нескольких десятков невинных Люшков отдал за четыре дня до своего бегства, 8 июня. Нет, с антисталинизмом Люшков ничего общего не имел. Причина его бегства за кордон была другая.

Вспомним, как Люшков появился на Дальнем Востоке. В Хабаровск он прибыл в конце июля 1937 года на должность начальника УНКВД по Дальневосточному краю, которую в это время занимал Дерibas, т. е. при «живом начальнике приехал на его должность». Развязка наступила быстро. Используя данные ему в Москве полномочия, Люшков вскоре арестовал Дерibasа со всеми его заместителями, а потом почти весь руководящий состав УГБ, пограничной службы, а за ними в тюрьму пошли и рядовые работники. Все они с небольшими вариациями обвинялись в принадлежности к «право-троцкистской организации, существовавшей в системе органов НКВД Дальнего Востока»... Следом — массовые аресты среди гражданского населения.

Чтобы избежать ответственности за творимые им самим беззакония и не разделять судьбу им же арестованных чекистов, Люшков решил упредить события и бежал за кордон. Этот вывод подтверждается и таким фактом. Близко общавшийся с Люшковым Нисимура Тосию, бывший начальник 2-го отдела штаба Квантунской армии, в июне 1942 года говорил своему сослуживцу: «Люшков допустил большую ошибку и, боясь ответственности перед органами власти и дабы не попасть самому под чистку, бежал в Маньчжурию».

Готовился ли Люшков заранее к побегу? Забегая вперед, отметим, что никто из допрошенных в 1945 году свидетелей из числа сотрудников японских спецслужб, в разной мере посвященных в дело Люшкова, не указал, что беглец принес с собой какие-либо оперативно значимые документы, кроме своих личных...

В этой связи вызывает сомнение достоверность того утверждения Д. Стефана, что Люшков готовился к побегу, «берет ценные документы», включая заключительные показания Ланина».

Документально установлено, что из Москвы Ланина доставляли в хабаровскую тюрьму 2 сентября 1937 года, где он пробыл по 21 сентября — и ни разу за период нахождения в Хабаровске не допрашивался. 21 сентября 1937 года морально подавленную жизнь самоубийством в тюремной камере. Обо всем этом однозначно заявил следователем бывший начальник тюрьмы В. П. Крумин во время расследования обстоятельств гибели Ланина. Собственно, какую значимость имели даже последние показания Ланина, если в Москве его допрашивали как участника «право-троцкистского заговора», к тому же год назад?

И другое. Несмотря на предательство Люшкова, продолжала свою патристическую деятельность в Японии разведгруппа легендарного Рамзая, хотя по материалам разведотдела УГБ края он уже проходил...

Не была поколеблена и уверенность японской разведки в преданности агентов Старика и Большого Корреспондента — ключевых фигур многолетней оперативной игры хабаровских чекистов «Маки-Мираж», удачно «подставленных» японским спецслужбам в Маньчжурии в начале тридцатых годов...

Скорее всего, к бегству за кордон у Люшкова «были сборы недолгие».

В Токио Люшков работал в гражданском учреждении «Това кенку дже», в Бюро по изучению Восточной Азии, которое подчинялось 2-му отделу Генштаба. Люшков специализировался на изучении политико-экономических вопросов, касающихся Советского Союза. На основании обработки материалов советской прессы и радиопередач из Советского Союза Маратов — под такой фамилией выступал Люшков — готовил сводки об экономическом и политическом положении нашей страны, которые учитывались японским Генштабом. Маратов выступал и как советник 2-го отдела штаба Квантунской армии. По просьбе командования Люшков иногда — и, конечно, инкогнито — появлялся в Маньчжурии, где участвовал в отработке планов очередных подрывных операций японских разведывательных служб против СССР. В частности, в сентябре — октябре 1944 года он работал в Харбине, проживая в гостинице «Нью-Харбин» под именем японского служащего Като Тадаса.

19 октября 1945 года бывший переводчик русского языка 2-го отдела штаба Квантунской армии Такахата Кунесита на допросе рассказал, что примерно в феврале — марте 1945 года начальник харбинской японской военной миссии генерал Дои предлагал Генштабу через штаб Квантунской армии перевести Люшкова на постоянную работу в Маньчжурию. Однако 2-й отдел тогда не согласился с предложением Дои, опасаясь, что сам факт нахождения Люшкова, например, в Харбине может стать известен советской разведке и приведет к непредсказуемым последствиям для него.

Однако в конце июля того же года по указанию начальника 2-го отдела японского Генштаба генерала Арисуэ Люшков был переведен в Дайрен.

Из Токио в Чанчунь Люшков прибыл самолетом, два дня прожил там под фамилией Като в гостинице «Ямато», а утром 8 августа в сопровождении своего постоянного переводчика Такая Канузо отбыл пассажирским поездом в Дайрен. На вокзале его встретил начальник дайренской ЯВМ капитан Такэока Ютака. После непродолжительной беседы Люшков с переводчиком Такая и работником миссии вышел в гостиницу Порт-Артур. Здесь их поселили в местной гостинице «Огонзан», чтобы позднее доставить на укомную дачу в пригороде. Но вскоре, по настойчивому требованию Люшкова, они вернулись в Дайрен. Узнав, что советские войска перешли границу, предатель не захотел оставаться в Порт-Артуре...

Со вступлением советских войск в Маньчжурию поиски Люшкова велся разрозненно органами армейской контрразведки, и оперативными группами областных управлений. И безрезультатно.

Но вот в архиве штаба Квантунской армии чекисты нашли альбом с фотографиями Люшкова, фотокопиями его личных документов. По указанию маршала Р. Я. Малиновского альбом был передан в управление контрразведки Забайкальского фронта, которое к тому времени уже располагало переводом статьи из японского илюстрированного журнала «Мир» за август 1938 года, где излагались подробности бегства предателя.

12 октября 1945 года начальник управления контрразведки Забайкальского фронта генерал Вадис утвердил постановление о заведении розыскного дела на Люшкова. Розыскные мероприятия проводились практически по всей Маньчжурии — от Хайлара до Порт-Артюра. Устанавливались и допрашивались о месте возможного нахождения Люшкова все лица, в первую очередь — руководящий состав японских военных миссий в Маньчжурии, что-либо знавшие о нем.

Вскоре, на первых порах только пунктирно, начали выявляться следы Люшкова. А потом пошли конкретные свидетельские показания, официальные документы...

Вернемся в августовский Дайрен.

Маратов, то бишь Люшков, заявил начальнику дайренской ЯВМ Такэоке, что он в прошлом советский генерал и потому боится частей Красной Армии, он настаивает — как можно быстрее переправить его из Дайрена в Токио. Люшкова с переводчиком поселили в местной гостинице «Ямато» под фамилией Ямогучи Хасимото и приказали ждать. Под этой фамилией и как гражданский служащий харбинской ЯВМ Люшков иногда приходил в столовую дайренской военной миссии.

риалы на сотрудников НКВД как на «шпионов, участников право-троцкистской организации, бывших, неразоружившихся, затаявшихся троцкистов; безогвардейцев, изменников Родины», на основании которых будут арестованы многие чекисты.

Вместе с Фриновским приехал помощник начальника отдела НКВД СССР Э. М. Ушаков. До этого он участвовал в расследовании «военного заговора» в РККА. Это он применял методы «физического воздействия» к арестованному маршалу М. Н. Тухачевскому, к командармам И. П. Уборевичу, И. Э. Якиру. Они не хотели давать показаний «по заговору». Не менее опытным в фабрикации дел был и другой следователь этой группы — Лулов. В первой половине 1938 года он участвовал в следствии по делу так называемого «антисоветского право-троцкистского блока», по которому четырнадцать обвиняемых, в том числе Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Г. Ф. Гринько, Ф. У. Ходжаев, были осуждены и расстреляны. Да и сам Фриновский имел немалый опыт в таких делах.

Позднее и Фриновский, и Лулов, и Ушаков за незаконные аресты, избийние подследственных и фальсификацию доказательств будут осуждены. Но это совершится потом, а сейчас...

В течение месяца они «работали» в краевом управлении НКВД и открыто бивали и истязали арестованных чекистов, заслуженных армейских командиров. Творили беззакония нагло, помня заявление Фриновского на сей счет: «Если арестованный — честный человек, то он простит нас, а если враг — то черт с ним...»

И вот «результаты» — дело о «Дальневосточном краевом объединенном право-троцкистском центре», якобы возглавлявшем все контрреволюционные формирования в регионе. И списки советских и партийных активистов, входивших в «краевую повстанческую штаб».

Массированный удар наносился по армии, флоту, погранвойскам. В считанные недели на основании наспех сфабрикованных справок за решеткой оказалось множество командиров и политработников, был завершен разгром разведотдела штаба ОКДВА...

Как ни толсты тюремные стены, но и сквозь них до Шилова проникали сведения о пребывании в Хабаровске Фриновского, о переменах в руководстве управления, об арестах приближенных Люшкова. Он добился вызова к Фриновскому и попытался объяснить всемогущему сатрапу, как велось следствие по его делу. Но, вероятно, это был глас вопиющего в пустыне: положение Шилова после встречи с Фриновским несколько не изменилось. Почти на полгода о нем снова будто забыли. Хотя нет: 19 ноября, то есть спустя пятнадцать месяцев после заключения в тюрьму, прокуратура выдает санкцию на его арест.

Зато Фриновский быстро решил дело М. В. Богдановой — вдовы казненного уже Бориса Давыдовича. Обвинительное заключение по ее делу, основу которого составило единственное, выбитое смертным боем у знакомого их семьи Рязкана показание, было утверждено 15 августа 1938 года. В тот же день решением Фриновского и прокурора края Мария Васильевна была осуждена на смерть, и в тот же день ее не стало.

В соответствии с «директивой» Фриновского, подкрепленной 6 июля 1938 года детализированным приказом Горбача для всех органов НКВД края, начались широкие репрессии среди гражданского населения. Только на Нижнем Амуре было арестовано более 1200 человек. Шли массовые аресты в районах Еврейской автономной области, в Хабаровске и Комсомольске. Недобрый оказался и август 1938 года. Тысячам дальневосточников — и военным, и чекистам, и гражданским — он принес горе.

Кстати, тяжелым был и август прошлого года. Именно тогда на работников УГБ неожиданным шквалом обрушились непонятные аресты сослуживцев, соседей, родственников и просто хороших знакомых. Это был настоящий погром чекистских кадров на Дальнем Востоке, старт которому был дан тоже в августе 1936 года после процесса над Зиновьевым, положившего начало открытому террору в стране.

21 сентября 1938 года трагически закончилась семимесячная борьба Владимира Абрамовича Неймана за тюремной решеткой. В тот последний день в судебном заседании, еще питая надежду на справедливость, он отказался от показаний, которые дал на предварительном следствии, и твердо заявил, что участником контрреволюционной организации никогда не был, а показания, удачавшие его в шпионаже, решительно отверг как клеветнические. Но выездная сессия военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством бригаадюрриста Кандыбина, не вникая в суть, торопливо осудила его на смерть.

Та же выездная сессия в сентябре — октябре рассмотрела в Хабаровске дела на 15 бывших сотрудников УГБ. Обвинения трафаретные: причастность к право-троцкистской террористической организации, шпионаж в пользу Японии, Германии или еще какой-либо страны. Для всех пятнадцати приговор был один — смерть. Среди них — улья С. Г. Вальдио, русский Монахов.

В декабре 1938 года начальником Управления НКВД по Хабаровскому краю был назначен Никишов. Его появлению в Хабаровске предшествовало ноябрьское постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое запрещало органам НКВД и прокуратуры производить какие-либо массовые операции по арестам и выселению граждан. Следствие обязывалось строго выполнять все требования Уголовно-процессуального кодекса. Аресты — только с санкции прокурора. Были ликвидированы зловещие «тройки», по несправедливым решениям которых пострадали тысячи и тысячи невинных. Но оставалось особое совещание при НКВД СССР — такой же внесудебный репрессивный орган.

Чекистские коллективы края медленно выходили из шокового состояния. Накануне 1939 года из трех боевых товарищей, некогда составлявших мозговую центр операции «Маки-Мираж», в живых оставался только Николай Петрович Шилов, которому еще предстоял бой и за свою честь, и за свою жизнь. Для этого нужно было объяснить, доказать предстоящему суду, чем было в действительности дело «Маки-Мираж». Все, что было причастен к ведению следственного дела Шилова, по своему усмотрению перепроверяли его так, что становится не по себе: как можно было дойти до такого пещерного мышления? Чего стоило только вот такое обвинение: «Для связи право-троцкистской организации с японцами была заведена разработка «Маки-Мираж», через каналы которой японцами была завлечена разработка информации...»

Операция, вошедшая в историю как одно из крупнейших достижений оперативной мысли, теперь выдавалась за преступление. 21 января 1939 года И. П. Шилову было объявлено об окончании следствия по его делу и предании его военному трибуналу. Ознакомившись с обвинительным заключением и материалами дела, Шилов пишет в военный трибунал: «...хотя и велось». И далее, назвав своими словами те беззакония, которые сопровождали следствие по его делу, он продолжал: «Виню себя не признавая и не признаю — была 20 лет верным членом партии, таким и остался».

Письмо он закончил так: «Дела своего не знаю, на очных ставках показания Лапина и Хомякова отрицаю. Верю, что имею дело с советским судом, а потому прошу вызвать на суд Лапина, Хомякова, Морозова и любого из 33-х, которые дали под пытками или по другим мотивам ложные показания на меня. 21.01.39 г. И. Шилов».

Трибунал не выполнил законного требования обвиняемого. Он и не мог этого сделать — к тому времени никого из свидетелей уже не было в живых...

Суд не вдавался в подробности операции «Маки-Мираж», хотя прежде следователи делали на нее особое ударение. Положив в основу решения «факты», якобы неопровержимо свидетельствовавшие о тяжких преступлениях Шилова перед Родиной, судьи приговорили его к смерти. Но шел тогда уже 1939 год. Оставалась еще призрачная надежда — обратиться в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о помиловании. Ответа на нее Шилов несколько месяцев дождался в камере смертников. Помилования не последовало. Не появилась тюремная справка: «Арестованный Шилов Николай Петрович убит по первой категории 10 мая 1939 года в 22.00».

В этот день Шилова не стало. Борис Богданов, Владимир Нейман, Николай Шилов и многие другие чекисты-дальневосточники разделяли трагическую судьбу тысяч своих земляков.

ФАКТЫ УБЕЖДАЮТ

Продолжавшиеся почти два года массовые аресты сотрудников органов государственности края, обвинявшихся в антигосударственной деятельности, жестокое обращение с ними во время следствия, а потом и расправа — все это сказывалось на настроении чекистов, их работе.

«Тот, кто не может добиваться таких показаний, тот просто не хочет бороться с врагами», — так оценивало начальство результаты работы своих подчиненных. Сотрудник краевого управления Г. И. Павлов «за пассивность в борьбе с контрреволюцией» был исключен из ВКП(б), уволен с работы, а потом арестован и осужден как «социально опасный элемент». Не выдержав систематических ударов своего мака «отдать под суд за медлительность в работе», покончил жизнь самоубийством член оперативной группы В. В. Дубровин. По тем же причинам отравился член московской бригады Костюк, повесился начальник отделения Штлярский, застрелился на дежурстве начальник отделения Богаткин. Эти самоубийства угнетали людей в коллективе, невыносимой и без того тяжелой морально-психологической атмосферой в коллективе.

Многочисленные документы тех трагических лет свидетельствуют, что зловещую роль в разрывании беззакония сыграли специальные бригады «для разоруживания» и «для разрывания беззакония» в деле борьбы с контрреволюцией. Особой жестокостью при этом отличались подручные Люшкова и Фриновского, в большинстве случаев еще в предвоенные годы понесшие суровые наказания — дело рук только «варягов». Беда в том, что под влияние таких людей, как Люшков, попадало немало честных чекистов. Прием во внимание и массовые мероприятия по «поднятию политической бдительности», и указы центрального и местного руководства НКВД, которое порой искусственно создавало видимость кризисных ситуаций в крае и доказывало необходимость применения чрезвычайных мер.

Да, расплата настала многих изуверов. Так, в августе 1940 года перед военным трибуналом держал пятаю бывших сотрудников УНКВД по Еврейской автономной области: А. К. Кизилевич, В. Р. Ларкин, Н. И. Луцки, Ф. Ф. Шумкин вместе с бывшим начальником УНКВД П. В. Соловьевым. Трибунал приговорил Соловьева, Ларкина и Кизилевича к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, остальных — к тюрьме.

В октябре того же года в военном трибунале рассматривалось дело по обвинению бывших начальников Управления НКВД по Нижнеамурской области Д. К. Сенина и других. В это время в Хабаровске рассматривалось дело по обвинению бывших начальников Управления НКВД по Нижнеамурской области Д. К. Сенина и других.

ко, Я. Л. Фельдмана, а также сотрудников этого управления И. П. Береснева и И. М. Узы. Севько и Фельдман были приговорены к высшей мере наказания, Уза и Береснев — к длительным срокам изоляции.

В том же 1940 году за нарушения социалистической законности в 1937—1938 годах были осуждены к высшей мере наказания Каган, Крохичев, Осинин; к десяти годам исправительно-трудовых лагерей — Булатов и Иванов-Сегаль, а в 1941 году — Евтушенко и Малквич, последние из люшковской бригады.

Однако ни эти, ни не названные здесь приговоры не идут ни в какое сравнение с теми неисчислимыми трагедиями, ответственность за которые несут ежовские и бериевские «калифы на час».

Массовые незаконные репрессии тридцатых годов, гибель многих высококвалифицированных и опытных чекистов привели к тому, что Управление НКВД по Хабаровскому краю было серьезно ослаблено. Потребуется годы, чтобы оно смогло восстановить свою боеспособность.

Перед войной в краевом и областных управлениях НКВД пересматривались дела на всех осужденных. Многие из них были освобождены из-под стражи из-за отсутствия состава преступления. Около четырехсот человек в Еврейской автономной области, более восьмисот на Нижнем Амуре. Только в рядах 2-й Отдельной Краснознаменной армии вернулись почти две тысячи военнослужащих. Среди освобожденных оказались несколько человек, которым накануне был объявлен смертный приговор, и они дожидались своего последнего часа...

Однако полного оздоровления в органах госбезопасности в предвоенные годы не произошло. Это стало возможным лишь после смерти Сталина.

Уже 4 мая 1954 года по решению ЦК КПСС в центре и на местах были образованы комиссии по пересмотру дел репрессированных. Тогда же была создана Хабаровская краевая комиссия.

На основании материалов, собранных чекистами, было возвращено доброе имя Борису Давидовичу Богданову, Владимиру Абрамовичу Нейману, Николаю Петровичу Шилу, Ивану Ивановичу Горохову и тысячам другим невинно пострадавшим.

И сегодня хабаровские чекисты непосредственно участвуют в реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и в начале 50-х годов». По материалам, подготовленным ими, судебные органы уже реабилитировали немало дальневосточников. Ведется поиск мест захоронения жертв сталинских репрессий, в том числе и в Хабаровске.

Но как быть с Терентием Дмитриевичем Дерибасом, членом партии с 1903 года, бывшим узником царских тюрем? Активный участник гражданской войны, он был направлен на работу в ВЧК. Под руководством Ф. Э. Дзержинского способствовал ликвидации автоновщины. С января 1930 года — полномочный представитель ОГПУ по Дальневосточному краю. При нем совершенствовалась и укреплялась пограничная служба Дальнего Востока, давался отпор проидам японских спецслужб. Награжден орденами, знаком «Почетный чекист». В 1937 году стал жертвой репрессий. В середине пятидесятых годов реабилитирован. Все это так.

Но думается, если на этом поставить точку, правда будет сказана не вся. Факты, ставшие известными в последние годы, убеждают, что Дерибас был причастен к массовым нарушениям социалистической законности. В результате их пострадали тысячи дальневосточников. Достаточно упомянуть дела о мифической «повстанческой организации» в Еврейской автономной области или о ликвидации заговора камчатских «сепаратистов».

Именно Т. Д. Дерибас возглавлял недоброй памяти «тройку» при краевом управлении ОГПУ — НКВД. На ее заседаниях рассматривались порой голословные, но обязательно «компрометирующие» материалы, собранные местными органами ОГПУ — НКВД. Подпись Дерибаса решала судьбы десятков, а то и сотен людей: они выслались с территории края, направлялись в спецпоселения и концлагеря, приговаривались к смерти.

Страшное это дело было поставлено «на поток», где человеческая жизнь ничего не стоила.

Вслед за Дерибасом в октябре 1937 года был арестован начальник УНКВД по Еврейской автономной области Лавтаков, в декабре — начальник Нижнеамурского областного УНКВД Липовский. Их дела также пересматривались. Однако, сняв с них обвинения в принадлежности к «право-троцкистской организации», судебные органы не нашли возможным полностью реабилитировать их, так как Лавтаков и Липовский несут ответственность за массовые репрессии. Такое же решение было принято и в отношении Барминского, заместителя Дерибаса, арестованного вместе с ним.

Почему же и поныне за массовые беззакония нет спроса с Дерибаса? Да еще за страшную деятельность «тройки», которой он руководил семь лет, с 1930 по 1937 год, практически до последнего дня своей службы в системе НКВД.

Почти одновременно с Т. Д. Дерибасом был арестован С. И. Западный, признанный «участником право-троцкистского заговора». Это обвинение судебными органами снято как необоснованное, и он тоже реабилитирован.

Нет, не таким, как Дерибас и его подручные, следует устанавливать мемориальные доски и памятники, а тем, кто безвинно пострадал от репрессий, погиб в застенках, лагерях и ссылке. Время истины наступило.

Елена РЕРИХ

ОСНОВЫ БУДДИЗМА

Будда указывал на нелепость предрассудка, приписывающего словам возрастающую авторитетность, вследствие повторения их растущим числом ученых. Истинный ученый тот, кто осознал совершенство познания, а не тот, кто бормочет формулы, уже многократно отброшенные до него.

«Я говорю моим ученикам: вот нирвана, вот путь к ней. Наставленные мною, небольшое число достигает, другие нет. Что я могу? Благословенный есть лишь указатель пути» («Маджжхима-никая», т. 3, с. 4).

«Ни один человек не может спасти своего близкого. Зло, содеянное человеком, пятнает лишь его самого. Зло, избегнутое им, не коснулось лишь его. Чист и нечист каждый лишь для себя. Человек не может очистить другого».

Выздоровление возможно лишь посредством внутреннего процесса работы над собою. Потому Будда не признавал никакой действенной силы за формулами, которые словесно передаются из поколения в поколение, подобно корзинке, переходящей из рук в руки («Маджжхима-никая», т. 2, с. 169).

***

Будда, отрицая существование Бога, утверждая возможность освобождения лишь совершенно личными усилиями и упорным трудом над самим собою, одним этим уже отрицал всякое внешнее поклонение. С самого начала он порицал все ритуалы и другие внешние действия, которые только способствуют усилению духовной слепоты и цеплянию за безжизненные формы. В его учении нигде нет и намек на личное поклонение. Он говорил: «Учение спасает не потому, что Будда его дает, но потому, что оно есть освобождение. Ученик, следующий за мною, держась за конец моей одежды, далек от меня и я от него. Почему? Потому, что этот ученик не видит меня. Другой живет за сотни верст от меня и тем не менее близок мне и я ему. Почему? Потому что этот ученик понимает учение, понимает истину как она есть, скажете ли («Итхивуттака», с. 90). «Если вы поняли и узрели истину как она есть, скажете ли вы: «Мы обязаны уважением нашему Учителю и из уважения к нему, как говорит Учитель, так говорим и мы?» — «Нет, Благословенный». — «То, что вы утверждаете, не есть ли это то, что вы узрели и осознали сами?» — «Да, Благословенный» («Маджжхима-никая», т. 1, с. 265). Предвидя будущее, Будда говорил: «Учение подобно пламени факела, зажигающему бесчисленные огни, огни эти могут способствовать варке пищи или рассеивать тьму, но пламя первого факела остается неизменно сияющим» («Сутры», 42 чл.).

Будучи врагом всякого ритуализма, Будда отрицал очистительную мощь обливаний. «Человек не будет нравственно чист, если он долго очинялся в воде. Чистый человек, брахман, тот, в ком обитает истина и добродетель» («Удана», с. 6). «Гая человек, брахман, тот, в ком обитает истина и добродетель» («Маджжхима-никая», т. 1, с. 39).

«Все ваши правила, — говорил изуверам Будда, — низки и смешны. Иной из вас ходит нагой, прикрывая себя только руками; иной не станет есть из кувшина или с блюда, не сядет за стол между двумя собеседниками, между двумя ножами или двумя блюдами; иной не сядет за общий стол и не примет подавляя в том доме, или двумя блюдами; иной не сядет за общий стол и мух или встретит собаку... где есть беременная женщина, где заметит много мух или оленьим пометом,

Иной питается одними овощами, отваром риса, коровьим или оленьим пометом, древесными корнями, ветвями, листьями, деснами плодами или зернами. Иной носит платье, накинув его только на плечи, или прикрывает себя мохом, древесною корой, растениями или оленьей кожей; распускает свои волосы или надевает на них врасстегнутую повязку. Иной носит одежду печали, постоянно держит руки вверх, не сходящую повязку. Иной носит одежду печали, постоянно сидит в положении животных... дитя на скамьи и рогожки или постоянно сидит в положении животных... себя...

Не стану исчислять других подобных средств, которыми вы мучаете и извращаете себя...

Окончание. Начало: «Дальний Восток», 1991, № 2.